

УДК 327

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.32.34>

Место Центральной Азии в политике КНР в 1992–2019 гг.: анализ политического и экономического взаимодействия

К. Е. Кузьмин, Т. Я. Янгель

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Анализируется развитие отношений Китая со странами Центрально-Азиатского региона в 1992–2019 гг. в политической и экономической сферах, а также их эволюция и проблемы. Представлено подробное описание политической и экономической стратегии Китайской Народной Республики по отношению к государствам Центральной Азии (Казахстану, Киргизии, Узбекистану, Таджикистану, Туркмении) в 1992–2019 гг. Рассмотрена эволюция китайской стратегии взаимоотношений с вышеуказанными государствами. Особое внимание уделено Шанхайской организации сотрудничества, которая является одной из базовых международных структур в регионе. Выявлены политические и экономические интересы КНР в регионе, отражены особенности и приоритеты Китая в Центральной Азии. Отдельно рассмотрен проект «Один пояс, один путь», его принципы и маршруты, связь с Центрально-Азиатским регионом, приведены примеры его практической реализации в регионе. Отмечены сложности, которые влияют на политику КНР в Центральной Азии, связанные прежде всего с общественными страхами перед «китайской экспансией». Дан краткий прогноз дальнейшему развитию экономической и политической стратегии КНР в регионе.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Центральная Азия, Синьцзян-Уйгурский автономный район, Шанхайская организация сотрудничества, «Один пояс, один путь», «китайская экспансия».

Для цитирования: Кузьмин К. Е., Янгель Т. Я. Место Центральной Азии в политике КНР в 1992–2019 гг.: анализ политического и экономического взаимодействия // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 32. С. 34–43. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.32.34>

Китайская Народная Республика за последние десятилетия стала одним из ключевых акторов международных отношений. Она занимает ведущие позиции в мире по темпам экономического развития, по уровню ВВП и т. д. Кроме того, Китай сегодня является одним из важнейших политических игроков на мировой арене, уже давно перестав быть только региональной азиатской державой. Такое положение, которое КНР заняла благодаря своей исторической мощи, а также уровню экономического развития и политическому весу, обуславливает тот факт, что она старается продвигать свои интересы практически во всех регионах мира. Одним из самых важных для КНР является Центрально-Азиатский регион, находящийся ней ближе всех. О его значении для китайской политики можно судить по тому, насколько серьезным и системным стало экономическое присутствие КНР в нем, а

также политические контакты с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменией, т. е. странами, которые исследователями, дипломатами и политиками традиционно включаются в состав Центральной Азии. В 1990-е гг. и в первые два десятилетия XXI в. отношения Китая и центральноазиатских государств эволюционировали в тесные и систематизированные, поэтому их развитие в различных сферах требует подробного рассмотрения.

Цель данной работы состоит в том, чтобы дать подробный анализ развитию отношений Китая со странами Центрально-Азиатского региона в конце XX – начале XXI в. в политической и экономической сферах, а также проследить их эволюцию и отметить проблемы.

Как известно, в 1991 г. распался СССР. Это привело к появлению у границ КНР ряда новых независимых государств и, как следствие, к необходимости со стороны Китая выработать четкую внешнеполитическую стратегию по отношению к странам Центральной Азии, которой у него до того момента не существовало. Кроме того, в эти годы произошло возрастание уровня конфликтности в Центральной Азии. Особую обеспокоенность у Китая вызывала ситуация в Таджикистане, Казахстане и Киргизии, с которыми он граничит. В связи с этим первоначальным интересом Китая в Центральной Азии стало обеспечение безопасности в приграничных регионах, прежде всего в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), известном своей периодической нестабильностью. Первостепенными задачами китайского руководства в Центральной Азии стали: борьба с экстремизмом и сепаратизмом, стабилизация ситуации, пограничное урегулирование и налаживание нормальных отношений с новообразованными государствами. Как подчеркивают некоторые исследователи, в начале и середине 1990-х гг. Центрально-Азиатский регион не был приоритетным во внешнеполитической стратегии КНР и представлял собой «стратегический тыл», однако можно отметить, что Китай был крайне заинтересован в сохранении стабильности в нем для обеспечения внутреннего спокойствия [11].

Началом политических отношений КНР со странами Центральной Азии можно считать 1992 г., когда были установлены дипломатические контакты Китая с Узбекистаном (2 января), Казахстаном (3 января), Таджикистаном (4 января), Киргизией (5 января) и Туркменистаном (6 января). Тогда же началось урегулирование пограничных споров, в этих целях в 1992 г. в Минске была проведена встреча «4+1» (РФ, Казахстан, Таджикистан, Киргизия и КНР соответственно), ставшая прологом к появлению «шанхайской пятерки» и созданию в будущем Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Окончательное решение вопросов, касавшихся границ, произошло на рубеже 1990–2000 гг. В 1998 г. были урегулированы споры с Казахстаном, в 1999 г. – с Киргизией, а в 2002 г. – с Таджикистаном.

В первые годы взаимоотношений важным было наметить контуры и пути развития взаимодействия Китая с новообразованными государствами. Проводились регулярные взаимные консультации по вопросам безопасности между дипломатическими представителями стран. А в 1994 г. состоялся

первый визит одного из руководителей КНР в страны региона. Премьер Госсовета КНР Ли Пэн, выступая в Ташкенте, наметил основные направления развития отношений со странами Центральной Азии: «Стремление придерживаться дипломатического курса на добрососедство, дружбу, мир; развитие взаимовыгодного сотрудничества и содействие совместному процветанию; уважение к выбору народов разных стран и невмешательство во внутренние дела других стран; уважение к независимости суверенитета стран региона и содействие региональной стабильности» [11].

В 1996 г. произошло образование так называемой шанхайской пятерки, в которую вошли РФ, КНР, Таджикистан, Киргизия и Казахстан. Эти страны заключили соглашение об укреплении доверия в военной сфере в районе границ. В 1997 г. эти государства согласились сократить численность вооруженных сил в районе границ. Еще через год представители вышеупомянутых республик вновь встретились, чтобы обсудить более широкий круг вопросов, связанных с безопасностью: международный терроризм, организованная преступность, незаконный провоз оружия, незаконный оборот наркотиков, а также религиозный экстремизм и национальный сепаратизм. В 2001 г. странами – участниками «шанхайской пятерки» и присоединившимся к ним Узбекистаном была создана Шанхайская организация сотрудничества – международная структура. Целями ее деятельности стало «укрепление между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства; развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, содействия построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка; совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграцией»¹ и т. д. Эта организация стала одной из важных площадок для взаимодействия Китая и стран Центральной Азии, вошедших в ШОС.

Изменение места Центральной Азии в китайской внешнеполитической стратегии произошло в начале XXI в. с приходом в 2003 г. к власти «четвертого поколения» китайских руководителей во главе с Ху Цзиньтао, который в этом же году выдвинул новую концепцию развития международной политики КНР, названную сначала «мирным возвышением», а позже переименованную в «гармоничное развитие». Эта идея подразумевала, в частности, укрепление места КНР в регионе и мире, усиление Китая и вовлечение его в мировые дела. Таким образом, происходило некоторое отступление от стратегии, принятой в начале 1990-х гг. Дэн Сяопином, который говорил, что Китаю необходимо «укреплять позиции, хладнокровно наблюдать, уверенно реагировать на изменения, скрывать свои возможности, не привлекать к себе внимания, никогда не стремиться к лидирующему положению, делать свои конкретные дела» [11, с. 146]. В связи с появлением новой концепции

¹ Хартия Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 19.03.2020).

Центрально-Азиатский регион перестал быть периферийным и приобрел для КНР важное стратегическое значение. Это привело к укреплению взаимоотношений со странами региона, к их систематизации и углублению.

Современный этап отношений КНР и стран Центральной Азии можно отсчитывать с 2013 г., т. е. с прихода к руководству в Китае Си Цзиньпина, сделавшего ставку на значительное укрепление позиций КНР в различных регионах мира, в том числе в Центрально-Азиатском. В том же году председателем КНР в г. Астане был предложен амбициозный проект «Экономический пояс Шелкового пути», который позже был переформатирован в идею «Один пояс, один путь». Эта концепция стала не только экономическим, но и политическим проектом, о котором в данной работе будет сказано отдельно. Кроме того, в последние годы происходит явное укрепление политического сотрудничества стран, прежде всего в сфере безопасности ввиду активизации терроризма и проникновения его в Центральную Азию. Так, летом 2019 г. проводились совместные учения военных Таджикистана и Китая, на которых отрабатывались операции по отражению атак исламистских боевиков.

На сегодняшний момент политические интересы КНР в Центрально-Азиатском регионе состоят в том, чтобы, во-первых, обеспечить безопасность и стабильность в регионе для борьбы с сепаратизмом и терроризмом, во-вторых, сохранять стабильное положение в СУАР, ситуация в котором напрямую зависит от положения дел в соседних государствах, и, в-третьих, воплотить в жизнь идею «китайской мечты», состоящую в том числе в возрождении китайского могущества и в построении многополярного мира.

Экономическая сфера взаимоотношений Китая со странами Центральной Азии является весьма насыщенной и в последнее время привлекает множество исследователей к ее изучению. На данный момент КНР считается многими аналитиками главным экономическим игроком в Центральной Азии, вытесняющим и традиционно присутствующую в регионе Россию, и ЕС, и США. Экономические отношения Китая со всеми государствами Центральной Азии крепки, надежны и находятся в постоянном развитии.

Однако такой ситуация была далеко не всегда. В 1990-х гг., как отмечают исследователи, отношения КНР с центральноазиатскими акторами характеризовались незначительным товарооборотом, ввиду того что стратегия сотрудничества не была разработана и ограничивалась торговыми связями. Однако постепенно экономические контакты стали развиваться и укрепляться. Китай был заинтересован прежде всего в ресурсах региона, а именно в углеводородах, цветных металлах и уране. Они были необходимы КНР для диверсификации поставок нефти и газа и получения этих ресурсов из более близкого территориально и политически региона, нежели, например, Ближний Восток. Кроме того, Китай был и по-прежнему остается заинтересован в развитии своих западных районов, в том числе СУАР, который имеет тесные торговые контакты с Казахстаном. Таким образом, можно подчеркнуть, что экономические отношения первой половины 1990-х гг. имели сугубо сырьевую направленность. Например, китайские вложения в эти годы шли в основном в топливно-энергетический комплекс. Что касается импорта, то КНР предлагала государствам Центральной Азии товары массового потребления [2].

С середины 1990-х гг. экономические отношения стали постепенно развиваться и систематизироваться. В одном из своих выступлений во время визита в Алматы премьер Госсовета КНР Ли Пэн выдвинул шесть предложений для развития торгово-экономических отношений с центральноазиатскими странами: поддержка равенства и взаимной выгоды, а также соблюдение экономических законов; диверсификация форм сотрудничества; использование местных ресурсов в той мере, которая позволяется реальными возможностями; улучшение транспортных условий и построение нового Шелкового пути; представление небольшого количества экономической помощи странам региона со стороны Китая в качестве дружественного знака; развитие многостороннего сотрудничества и содействие совместному развитию [11]. Во второй половине 1990-х и первом десятилетии 2000-х гг. экономическое сотрудничество развивалось, наблюдалось стабильное увеличение товарооборота и диверсификация сфер взаимодействия. Кроме того, государства стали достигать различных договоренностей, как, например, в 1997 г., когда между КНР и Казахстаном были заключены соглашения «О сотрудничестве в области нефти и газа» и «О прокладке двух нефтепроводов» [Там же]. Усиление взаимодействия происходило также после 2001 г. на базе ШОС, которая для Китая стала более важным экономическим международным механизмом, нежели организацией по безопасности.

В начале 2010-х гг. было проведено коренное преобразование экономической стратегии Китая по отношению практически ко всем регионам мира, в том числе к Центральной Азии. В 2011 г. произошел, как пишут эксперты, «взрывной рост инвестиций» [2], т. е. резкое увеличение вложений в экономики различных регионов. С этого момента Китай стал преследовать следующие экономические цели в Центральной Азии: во-первых, продолжение внутреннего развития, которое требует все новых и новых ресурсов, в том числе центральноазиатских, а также пояса добрососедства и постоянных рынков сбыта; во-вторых, КНР по-прежнему нуждается в развитии западных районов, которые отстают от процветающих юго-восточных регионов; в-третьих, китайская экономика требует диверсификации маршрутов импорта энергоресурсов. Таким образом, можно заметить, что вся экономическая политика, проводимая сегодня Китаем в Центрально-Азиатском регионе, направлена на реализацию вышеуказанных интересов.

За последние несколько лет Китай стал главным партнером в сфере импорта для трех государств из пяти – Киргизии (56 % всего импорта в 2015 г.), Таджикистана (41 %) и Узбекистана (около 20 %). Лишь в Казахстане и Туркмении КНР уступает другим государствам – России и Турции соответственно. Что касается экспорта из стран Центральной Азии, то Китай стал главным партнером в этом направлении для Туркмении и Казахстана. Так, доля КНР в экспорте Туркмении в 2015 г. составила 68 %. Доля экспорта Казахстана в Китай – 15 %. Кроме того, для Узбекистана Китай является вторым партнером, тогда как сальдо внешней торговли Киргизии и Таджикистана с КНР резко отрицательное [2].

Как уже было сказано выше, КНР заинтересована в получении энерго-ресурсов Центральной Азии, а также металлов и урана. Одной из ведущих стран региона в газовой сфере является Туркмения. Еще в 2009 г. состоялось открытие газопровода Туркмения – Китай, состоящего из трех основных веток. Этот газопровод затрагивает попутно Узбекистан и Казахстан, а на данный момент идет строительство четвертой ветки [8]. Одним из главных партнеров КНР в нефтяной сфере в регионе является Казахстан. С этой страной в 2018 г. совокупный товарооборот составил 12 млрд долл. Если говорить о цветных металлах, которыми богат в том числе Таджикистан, то более 80 % золота на данный момент добывается совместными таджикско-китайскими предприятиями [6].

Приблизительно с начала 2010-х гг. экономическое сотрудничество носит более комплексный характер и стало затрагивать инфраструктуру, строительство и сельское хозяйство. Например, в 2013 г. совокупный объем торговли КНР с четырьмя государствами Центральной Азии (за исключением Туркмении) составил более 40 млрд долл. [11]. Как мы уже упомянули выше, Китай стал больше инвестировать в экономические проекты региона. В 2014 г. Таджикистан получил от КНР кредиты на строительство железных дорог и ТЭЦ. В 2017 г. во время первого визита президента Узбекистана Ш. Мирзиёева в Китай были подписаны соглашения на общую сумму около 20 млрд долл., а несколькими месяцами позже, во время саммита ШОС, были заключены договоренности Китая и Казахстана в общей сложности на 7 млрд долл. [2].

Но, пожалуй, главным проектом, который на данный момент тесно связывает экономики и инфраструктуру Китая и Центральной Азии, стала в 2013 г. глобальная инициатива «Экономический пояс Шелкового пути». Необходимо указать, что глава КНР инициировал эту идею в период визита в столицу Казахстана. В своем выступлении Си Цзиньпин акцентировал внимание на том, что Китай и страны Центральной Азии имеют общие экономические приоритеты, нацеленные на стабильность, укрепление могущества и дальнейшее процветание экономик этих стран, что создает совместную платформу для коллективных действий. Для реализации идей коллективного партнерства в 2015 г. уже обозначенная инициатива была объединена с «Морским Шелковым путем XXI века» в единый проект «Один пояс, один путь». Этот глобальный системный проект в том же году был конкретизирован документом под названием «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века», в котором излагаются основные принципы, цели и средства проекта, а также ключевые маршруты. В содержание документа были включены предложенные председателем КНР Си Цзиньпином еще в 2013 г. направления и механизмы сотрудничества: политическая координация, взаимосвязь инфраструктуры, либерализация торговли, свободное передвижение капитала и укрепление взаимопонимания между народами. В документе нашли отражение базовые принципы взаимодействия между государствами, основанные на положениях Устава

ООН, а также пять принципов мирного сосуществования, которые являются фундаментальными для китайской внешней политики. В документе указывается на то, что основные маршруты должны проходить по следующим направлениям из Китая: во-первых, через Центральную Азию и Россию до Европы; во-вторых, через Центральную и Западную Азию к Персидскому заливу и Средиземному морю; в-третьих, в Юго-Восточную Азию, Южную Азию, к Индийскому океану [9]. Таким образом, можно отметить, что два из трех маршрутов проходят именно через Центральную Азию.

Происходит реализация проекта «Один пояс, один путь», который, как отмечают исследователи, имеет положительные последствия для всех участников. Проект позволит КНР добиться глобального превосходства, тогда как для государств Центральной Азии он – возможность получать регулярные инвестиции, развивать инфраструктуру и реализовывать новые идеи в торговой сфере. Китай заинтересован в том, чтобы центральноазиатские страны были участниками проекта, предоставляли свои площади, ресурсные возможности и транспортную инфраструктуру для прокладки торговых путей из КНР в Европу, тогда как государства региона могут получить новые финансовые инвестиции в свои экономики. Например, уже реализуются проекты, среди которых автомагистральная дорога Западный Китай – Западная Европа, автодорога Китай – Киргизия – Узбекистан, казахстанский центр приграничного сотрудничества «Хоргос», а также множество других, связанных с постройкой электросетей и тоннелей [1]. Еще одной особенностью проекта является то, что государства получили возможность сопряжения его со своими программами. Например, между Китаем и Казахстаном подписаны соглашения о сопряжении проектов «Один пояс, один путь» и «Нурлы-Жол» («Светлый путь»). Также осуществляется сотрудничество в рамках программы «Казахстан-2050» и ее сопряжение с проектом «Один пояс, один путь». Намечается реализация совместных проектов в промышленной отрасли (например, государства договорились о переносе некоторых китайских производств на территорию соседнего Казахстана) [7].

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. 1990-е гг. – период установления контактов между Китаем и государствами Центральной Азии в политической и экономической сферах, налаживания отношений и разрешения пограничных проблем. В 2000-е и 2010-е гг. происходит укрепление и развитие в основном экономического сотрудничества, которое стало более активным после 2011 и 2013 гг. Китай преследует в Центральной Азии сразу несколько целей. Во-первых, получение энергоресурсов для развития внутренней экономики. Во-вторых, укрепление политического положения в регионе через экономику для поддержания многополярности и статуса регионального лидера и глобальной державы. В-третьих, обеспечение стабильности рядом с западными районами КНР, борьба с экстремизмом и терроризмом для сохранения стабильности в СУАР. Отдельно стоит подчеркнуть, что КНР испытывает определенные проблемы во взаимодействии со странами региона, которые связаны прежде всего с реакцией людей на проникновение Китая в Центральную Азию. Нельзя не отметить высокий уровень

синофобии в обществе [5]. Например, в 2016 г. по городам Казахстана прошли антикитайские протесты против поправок в Земельный кодекс, которые предусматривали увеличение сроков аренды земли иностранцами (в первую очередь китайскими гражданами) [4]. Нередко происходят волнения и в других государствах, вызванные страхом перед «китайской экспансией». Определенные опасения внушает также активность КНР, связанная с проектом «Один пояс, один путь»: государства, участвующие в нем, беспокоятся о возможности дефолта в нестабильных экономиках.

Таким образом, Центральная Азия является для Китая важным регионом в плане экономического взаимодействия и обеспечения безопасности. Китай, как пишут эксперты, пришел в Центральную Азию всерьез и надолго, способен в экономической сфере потеснить в регионе многих игроков, в том числе Россию [3]. Однако в политическом аспекте у КНР пока нет инструментов, которые могли бы снизить роль Российской Федерации в Центральной Азии в вопросах политического и военного сотрудничества.

Список литературы

1. Акматалиева А. М. Инициатива «Один пояс – один путь» в Центральной Азии // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 4. С. 139–146.
2. Воробьев А. В. Китай и Центральная Азия: растущая дружба под боком России [Электронный ресурс] // РСМД: сайт. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-i-tsentralnaya-aziya-rastushchaya-druzhba-pod-bokom-rossii/> (дата обращения: 18.03.2020).
3. Давыдов З. В. Экономическая политика Китая в Центрально-Азиатском регионе и её последствия для России // Известия Восточного института. 2015. № 2 (26). С. 19–29.
4. Дмитриева М. О. Россия и Китай в Центральной Азии: сотрудничество или соперничество // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2019. № 1. С. 139–146.
5. Иманалиев М. С. Китай и Центральная Азия: постсоветское развитие [Электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб «Валдай»: сайт. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kitay-i-tsentralnaya-aziya-postsovetskoe-razvitiie/> (дата обращения: 18.03.2020).
6. Кракова С. Китай наступает: Россию выдавливает из Центральной Азии [Электронный ресурс] // Газета.Ru: сайт. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/09/20/12654181.shtml> (дата обращения: 17.03.2020).
7. Мальшева Д. Б. Постсоветская Центральная Азия и ее азиатские соседи // Россия и новые государства Евразии. 2016. № 4. С. 19–30.
8. Тюльпаков М. В. Энергетическое сотрудничество Туркменистана и Китайской Народной Республики: современное состояние и перспективы развития // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 3 (48). С. 43–47.
9. Фролова И. Ю. Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути»: развитие, проблемы, перспективы // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 5 (38). С. 47–67.
10. Чжэньпэн Л. Интересы Китая в Центральной Азии // The Newman In Foreign Policy. 2017. № 39 (83). С. 11–18.
11. Чжэньпэн Л. Китайская внешняя политика в Центральной Азии в 1990-е гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 3. С. 145–155.

Place of Central Asia in Chinese Politics in 1992–2019: the Analysis of Political and Economic Relations

К. Е. Kuzmin, Т. Ya. Yangel

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The paper provides a detailed analysis of the development of relationships of China with the countries of the Central Asian region in 1992–2019 in political and economic spheres, as well as to trace their development and identify the problems. A detailed description of the political and economic strategy of the People's Republic of China in relation to the Central Asian states (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan and Turkmenistan) in 1992–2019, which has been divided into several periods, has been presented. The development of the Chinese strategy of relationships with the nations mentioned above has been considered. Special attention was paid to the Shanghai Cooperation Organization, which is one of the main international agencies in the region. The authors identified political and economic interests of the PRC in the region and described some features and priorities of China in Central Asia. Special attention has been paid to the Belt and Road Initiative, its principles and routes, connection with the Central Asian region, and examples of its practical implementation in the region. The author also pointed out difficulties having impact on China's policy in Central Asia; they are primarily related to fear of “Chinese expansion”. Vision of further development of China's economic and political strategy in the region has been presented.

Keywords: People's Republic of China, Central Asia, Xinjiang Uygur Autonomous region, Shanghai Cooperation Organization, Belt and Road Initiative, “Chinese expansion”.

For citation: Kuzmin K.E., Yangel T.Ya. Place of Central Asia in Chinese Politics in 1992–2019: the Analysis of Political and Economic Relations. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2020, vol. 32, pp. 34–43. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.32.34> (in Russian)

References

1. Akmatalieva A.M. Initsiativa “Odin poyas – odin put” v Tsentral’noi Azii [“One Belt, One Way” initiative in Central Asia]. *Comparative politics Russia*, 2018, vol. 9, no. 4, pp. 139–146. (in Russian)
2. Vorob’ev A.V. *Kitai i Tsentral’naya Aziya: rastushchaya druzhba pod bokom Rossii* [China and Central Asia: growing friendship near Russia]. RIAC. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-i-tsentralnaya-aziya-rastushchaya-druzhba-pod-bokom-rossii/> (date of access: 18.03.2020). (in Russian)
3. Davydov Z.V. Ekonomicheskaya politika Kitaya v Tsentral’no-Aziatskom regione i ee posledstviya dlya Rossii [China's economic policy in the Central Asian region and its implications for Russia]. *Oriental Institute Journal*, 2015, no. 2 (26), pp. 19–29. (in Russian)
4. Dmitrieva M.O. Rossiya i Kitai v Tsentral’noy Azii: sotrudnichestvo ili sopernichestvo [Russia and China in Central Asia: cooperation or rivalry]. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 1, pp. 139–146. (in Russian)
5. Imanaliev M.S. *Kitai i Tsentral’naya Aziya: postsovetское развитие* [China and Central Asia: Post-Soviet development]. The Valdai Discussion Club. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kitay-i-tsentralnaya-aziya-postsovetское-razvitiye/> (date of access: 18.03.2020). (in Russian)
6. Krakova S. Kitai nastupaet: Rossiyu vydavlivayut iz Tsentral’noy Azii [China is coming: Russia is being squeezed out of Central Asia]. *Gazeta.Ru*. Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2019/09/20/12654181.shtml> (date of access: 17.03.2020). (in Russian)

7. Malysheva D.B. Postsovetskaya Tsentral'naya Aziya i ee aziatskie sosedi [Post-Soviet Central Asia and its Asian neighbors]. *Russia and New States of Eurasia*, 2016, no. 4, pp. 19-30. (in Russian)

8. Tyul'pakov M.V. Energeticheskoe sotrudnichestvo Turkmenistana i Kitaiskoi Narodnoi Respubliki: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Energy Cooperation between Turkmenistan and China: Present Condition and Development Prospects]. *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 2015, no. 3 (48), pp. 43-47. (in Russian)

9. Frolova I.Yu. Kitaiskii proekt "Ekonomicheskii poyas Shelkovogo puti": razvitie, problem, perspektivy [China's "Silk road Economic belt" project: development, problems, prospects]. *National Strategy Issues*, 2016, № 5 (38), pp. 47-67. (in Russian)

10. Chshen'pen L. Interesy Kitaya v Tsentral'noi Azii [China's interests in Central Asia]. *The Newman in Foreign Policy*, 2017, no. 39 (83), pp. 11-18.

11. Chshen'pen L. Kitaiskaya vneshnyaya politika v Tsentral'noi Azii v 1990-e gg. [Chinese foreign policy in Central Asia in the 1990s]. *Ojkumena. Regional researches*, 2017, no. 3, pp. 145-155. (in Russian)

Кузьмин Кирилл Евгеньевич

магистрант, кафедра мировой истории
и международных отношений,
исторический факультет
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: kirillkuzmin97@yandex.ru

Kuzmin Kirill Evgenyevich

Master's Degree Student, Department
of World History and International
Relations, History Faculty
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: kirillkuzmin97@yandex.ru

Янгель Татьяна Яковлевна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра мировой истории и международных
отношений, исторический факультет
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: yangelt@gmail.com

Yangel Tatyana Yakovlevna

Candidate of Sciences (History),
Associate Professor, Department
of World History and International
Relations, History Faculty
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: yangelt@gmail.com